

МАЯКОВСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

К 125-летию со дня рождения поэта Революции

Вот чего меньше всего здесь хотелось бы — так это ещё одной традиционной юбилейной статьи-«окрошки» из разной степени достоверности «фактов» и «фактиков», заполняющей неизбежный прочерк «жизненной молнии» между датами рождения и смерти. Почему? Да просто Маяковский — как бы это объяснить понятнее? — не тот повод, что ли...

ЕЩЁ СО ВРЕМЕН ГОМЕРА считается нормальным, хотя и не обязательным, присутствие в той или иной национальной культуре общепризнанного «главного» поэта (или писателя), наиболее полно выражающего «дух» своего народа через слово. Скажем, у итальянцев это — Данте, у англичан — Шекспир, у испанцев — Сервантес, у немцев — Гёте, у русских — Пушкин. Причём это касается не только «великих» наций. Например, для Украины «национальный поэт» — это Шевченко, для Румынии — Эмнеску, для Шотландии — Бёрнс и т.д. Зато, например, во Франции или в США, как и в Древнем Риме или в арабском мире, такого «первописателя» нет, но это не вызывает никаких сомнений в культурно-исторической самобытности и самостоятельности этих человеческих сообществ.

Если же расширить данный «угол зрения» и задать вопросом о том, есть ли «свой» поэт у человеческих сообществ, выходящих за те или иные национально-языковые рамки, то «кандидатом номер один» на этот неофициальный титул, несомненно, окажется Маяковский, «певец мирового пролетариата» и, соответственно, всемирной пролетарской революции. И не его вина, что эта революция — даже в виде «советского проекта» — так и не была доведена до конца, что «мировой пролетариат» не только не стал полноправным властителем мира, но и, похоже, вот-вот будет раздавлен «нейростелем» роботами с искусственным интеллектом и «полицейскими рабами» в виде глобального «прекариата». Более того, если подобное случится, творчество Маяковского заиграет абсолютно новыми и куда более глубокими красками — как последняя песня человечества в его «традиционном» виде и смысле (из-за нехватки места аутентичная «лесенка» будет соблюдаться при цитировании не всегда. — В.В.).

Поймёт всё. Сойдёт на нет. И тот, кто жизнью движет, последний луч над тьмой планет из солнца последних выжжет. И только боль моя острее — стою, огнём обвит, на несгорающем костре немыслимой любви...

Весь Маяковский — об этом. О Человеке любящем, о Человеке-Творце. И в таком своём качестве — высшей ценности Вселенной. Независимо от любви национальной и прочей принадлежности. Такое «человеколюбие», разумеется, плохо совместимо, вернее — несовместимо с любовью из традиционных религий. Но присутствия Бога как всемогущего субъектного начала — «того, кто жизнью движет» — ничуть не отрицает. Примеров тому из стихов Маяковского можно привести множество и, при всей их внешней «метафоричности», на самом деле это — глубинное, прорыв его внутренней веры наружу.

Поступайте! Ведь, если звёзды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно? Значит — кто-то хочет, чтобы они были? Значит — кто-то называет эти плевочки жемчужиной? И, надрываясь в метелях полуденной пыли, врывается к богу,

Газетный вариант. Полностью — на сайте zavtra.ru

боится, что опоздал, плачет, целует ему жилистую руку, просит — чтоб обязательно была звезда! — клянётся — не перенесёт эту беззвёздную муку!..

Какая она, рука у Бога? Маяковский говорит: «жиллистая!» То есть не белоручка Он — Господь наш, впахивает по-настоящему, как пролетарий... А взять хотя бы ещё одно, известнейшее, из стихотворения «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»:

Чтобы в мире без России, без Латвии, жить единым человечьем общечетьем...

Помните, какие строки предшествуют этому хрестоматийному месту? Да вот такие:

Мы живём, зажатые железной кляптовой. За неё — на крест, и пулю чешите...

Откуда здесь у революционернейшего поэта «крест»-то взялся? Не из христианской ли традиции, с мучениками-исповедниками? И не находится ли всё это четверостишие в полном соответствии с новозаветным принципом «несть ни еллина, ни иудея»? Только «несть» — не во Христе, а в Революции. Кто-то скажет — и не наверное, а точно скажет: «Вот он, еретик!» А протопол Аввакум тогда, извините, кем был? А Лев Толстой? А те иерархи Священного Синода, которые своим определением от 6 марта 1917 года назначили к исполнению во всех храмах отслужить молебны с возгласием многолетия «Богочраимой державе Российской и благоверному Временному правительству ей»? А... Да ладно, что там с конкретными случаями, с конкретными именами-фамилиями... Вообще, в эпоху нынешнего либерал-экуменизма, вы это всё — что, серьёзно?

Вдобавок — обязательные в СССР для школьной программы по литературе «Стихи о советском паспорте» (1929):

С каким наслаждением жандармской кастой я был бы исхлёстан и распят за то, что в руках у меня молоткастый, серпастый советский паспорт...

Кого там исхлестали (бичевали) и затем распяли, не помните? Это ересь Маяковского, конечно, да? И только ересь? «Знаю твой дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из оств Моих» (Откр. 3:15—16). Маяковский был огненно горяч, таким же огненно горячим было (и остаётся) его творчество, переведённое на множество языков мира. И когда в 2016 году, через 86 с лишним лет после смерти поэта, президент Бразилии Дилма Русеф встречает приговор о своём имплиценте, фактически обрекающий её на новое многолетнее тюремное заключение, стихами Маяковского на португальском, — какие тут ещё (и кому?) нужны свидетельства и доказательства?

ЛАДНО, ПУСТЬ БУДУТ — куда же без них? — и факты. Например, такой: в современных социальных сетях самый цитируемый из отечественных писателей — это не Пушкин, не Толстой, не Достоевский, не Чехов, не Горький, не Шолохов и не кто-то ещё. Бесспорный «номер один» здесь — Маяковский. Его фразы, его «поэтические формулы» наиболее востребованы во втором десятилетии XXI века, сегодня он, по большому счёту, намного популярнее, чем сто лет назад, в пору своего творческого взлёта.

Причём данный факт касается не только «всемирной паутины», но и её русскоязычного сегмента, «рунета». Казалось бы, вот парадокс: Советскую эпоху решено закрыть, забыть и повесить на ней изображение черепа с костями: мол, не влезай! ГУЛАГ! убьёт! А количество разнообразного информационного мусора, принесённого на могилу «лучшего, талантливейшего поэта» (определение И.В. Сталина) этой эпохи, ныне измеряется терабайтами, если не мегатоннами. Но, в конечном итоге, — безрезультатно, хотя начался этот процесс «приношения» задолго и до перестройки, и даже — до ухода из жизни самого Маяковского.

Оно и понятно — ведь «Владимир Владимич» демонстративно не признавал полутонн, какой-то нюансовки цветовой, политических и бытовых переходов. Во всяком случае — в творчестве своём. Не только поэтическом — он ведь был и художник, и киноактёр, и, можно сказать, организатор культурного процесса. Но нигде и никогда не изменял своему образу (что там было внутри — другой, отдельный и весьма сложный вопрос).

Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана...

Маяковский и в литературе, и в жизни всегда шёл на конфликт, лез в драку, а потому казался идеальной целью для «отстрела». Но — удивительное дело! — все «охотники» внезапно обнаруживали, что для их «выстрелов», «капканов» и «ядов» этот невероятный «слонопотам» оказывается почему-то неуязвим. Ну, почти...

Все биографы Владимира Владимировича как-то «не всерьёз» принимают тот общеизвестный и никем не скрываемый факт, что знаменитую «жёлтую кофту» начинающий эпатажный 18-летний поэт надевал уже после своего почти трёхлетнего участия в революционной борьбе и тюремной отсижки. Причём участия далеко не формального — в его случае речь шла об агитационной работе «на земле», организации подпольной типографии и ряда «экзов» в Москве (это были 1907—1908 годы, самый пик «стольпинских реформ» и «стольпинской реакции» заодно), а также о причастности к побегу 13 заключённых из Новинской женской каторжной тюрьмы 1 июля 1909 года. И отсижки тоже далеко не рядовой — в конце концов, 16-летнего узника одиночной камеры № 103 в Бутырской тюрьме заключённые, согласно легенде, избрали своим старостой — как ранее это произошло в Басманном и в Мясницком полицейских домах...

Имевший социальное происхождение «из дворян», Маяковский мало говорил об этом периоде своей жизни — и обычно с юмором, как о чём-то не слишком серьёзном. Но больше полутора лет, в 1908—1910 годах, он был полноправным членом РСДРП, причём её большевистской фракции, — и ушёл из революционной политики в революционное искусство. По «зову сердца», разумеется. Разрезать «авгиевы конюшни» тогдашнего декадентского культурного «мейнстрима», впоследствии названного «серебряным веком» не только отечественной поэзии, но и всего искусства в целом. Что по этому поводу говорится в доселе закрытых партийных архивах — пока не известно. Может быть, и ничего — слишком важное дело, чтобы доверять его предательской бумаге.

Я, ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный...

Мой стих трудом громаду лет прорвёт и ятсся весомо, грубо, зримо, как в наши дни вошёл водопроед, работанный ещё рабами Рима...

Это вот понимание собственного творчества одновременно и как избавления от «заразных нечистот», и как «воды», необходимой людям для нормальной жизни, — у Маяковского постоянно и неизменно. Впрочем, не только «воды».

Я хочу, чтоб к штыку приваляли перо. С чулуном чтоб и с выделкой стали о работе стихов, от Политбюро, чтобы делал доклады Сталин.

И до самых верхов прошли из рабочих нор мы: в Союзе Республик

пониманье стихов выше довоенной нормы...

Пролетарии приходят к коммунизму
низом —
низом шахт, серпов и вил, —
я ж с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что нет мне без него любви...

О смысле и значении любви для Маяковского, думаю, сказано выше уже достаточно, чтобы лишний раз не повторяться... А вот на смысле и значении для него процесса литературного и в целом художественного творчества можно остановиться и чуть подробнее.

«Я — ПОЭТ. Этим и интересен», — таким было кредо Владимира Маяковского. Учёных, философов, политиков, экономистов, подпольщиков, военных, пропагандистов у революционной партии хватало — целое «теневое государство». А вот писатели, особенно — поэты, были буквально наперечёт. Уж очень специфическое и опасное это занятие — выстраивать каналы связи общества с «информационным космосом» языка. Чуть не так — «прилететь» может с обеих сторон. Наверное, хорошо бы иметь для этих целей новый язык: революционный или пролетарский, но такого как не было, так и нет. К сожалению. Или к счастью.

И, если говорить о каком-то соотношении «национального» и «пролетарско-интернационального» в поэзии Владимира Маяковского, то Россия и русский язык (ни на каком ином Маяковский не писал) ему были важны, прежде всего, потому, что с них, в его понимании, начинались «новое небо и новая земля» для нового человечества, извлеченного от пут и норм тысячелетней несвободы. «Пражская весна», говорите? «Арабская весна», говорите? Жалкие плагиаторы...

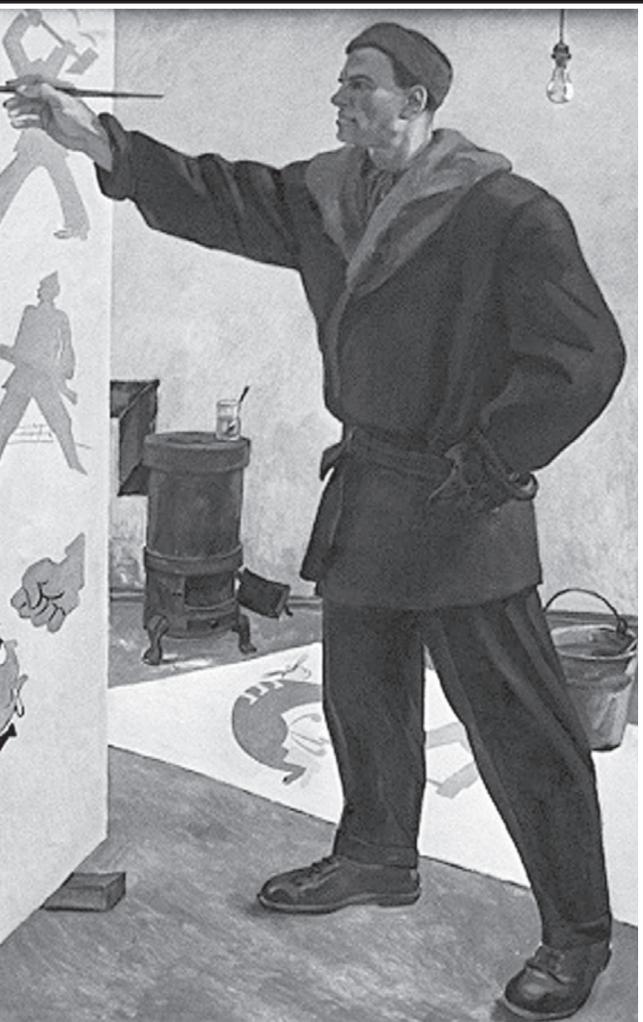
И я, как весну человечества, рождённую в трудах и в бою, пою мою отечество, республику мою!

«Весна человечества» — вот что важно для Маяковского, не больше и не меньше! Или ещё более известное, из того же стихотворения «Нашему юношеству» (1927):

Да будь я и негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин!

«Только за то» — непростая, очень многомерная формулировка. «Только» здесь — непрерывно, «перманентно» «квантуется» между смыслами «исключительность за то» и «хотя бы за то». Кстати, в том же стихотворении заключена целая культурно-политическая программа, с призывом «На русский (язык) встрите уши!» — только потому, что русский язык стал первым и главным языком Революции.

Когда Октябрь орудийных бурь по улицам Москвы лился, я знаю, в Кремле решали судьбу и Кувеша и Тифлиса.
Москва для нас не державный аркан, ведущий земли за нами, Москва не как русскому мне дорога, а как огневое знамя!

Владимир МАЯКОВСКИЙ в РОСТА. Художник Александр ДЕЙНЕКА (1941)

Сдали это «огневое знамя» — сразу же оказались сданы и все «Киевы с Тифлисами». А как иначе? Чуждес на свете не бывает...

Но в русской литературе, в русском языке Маяковский открыл совершенно иную энергетику речи, энергетику стиха — и в этом отношении он, безусловно, стоит в одном ряду с Ломоносовым и Пушкиным (в конце XX века новую ритмику в рамках русской поэтической речи открыл и утвердил Иосиф Бродский). «Под Маяковского» писали и Андрей Вознесенский, и Евгений Евтушенко, и Роберт Рождественский (да и сам Иосиф Бродский «бранного» периода во многом ориентировался на творчество «поэта Революции»), а уж памятник, установленный на Триумфальной площади, переименованной в площадь Маяковского, вообще был чуть ли не главным «местом силы» для молодых «шестидесятников», «детей XX съезда», устремившихся к «ленинскому социализму с человеческим лицом». И, конечно, разочарование в этом «идеале» вызвало растущее сначала отчуждение, а затем — отторжение и от Маяковского, и от его поэзии. В конце концов, дело дошло чуть ли не до полного отрицания и забвения «лучшего и талантливейшего поэта нашей советской эпохи» — вместе с самой эпохой.

Эту «эволюцию» понимания Маяковского и его творчества отечественной «прогрессивной интеллигенцией» достаточно полно отразил в своих текстах под общим заголовком «Сталин и Маяковский» покойный Бенедикт Сарнов, «сверхидея» изысканий которого может быть сведена к одной фразе: «Хотел того Маяковский или нет, но, выстрелив себе в сердце, он громко сказал, во весь голос сказал стране и миру, что не верит в сталинский социализм». В качестве одного из доказательств этого своего тезиса автор приводит высказывание Бориса

Пастернака: «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он не повинен». Ярко, образно, убедительно, как и положено настоящему поэту. Правда, совершенно непонятно, чем в данном случае «плоха» бедная «картошка»-Маяковский! Тем, что принципиально несъедобна или невкусна? Или тем, что её «вводили принудительно»? Или тем, что она оказалась на месте, которое по праву должен был занимать какой-то иной, более достойный, овощ — например, та же репа или, уж простите, пастернак? Как говорится, упаси нас, Боже, от таких друзей — с ними никаких врагов уже не надо...

Как же хорошо был любителем простых и однозначных ответов на все вопросы... А еще лучше, наверное, — профессиональным создателем таких ответов. Сарнов и его единомышленники почему-то даже в голову не приходят, что убившая поэта пуля могла быть выпущена не государством и обществом, а тем «информационным космосом», с которым он работал... И причины тому могут быть самыми разными. Как и следствия. Поэтому «дело Маяковского» не только не закрыто — оно даже не закончено.

Один из лучших друзей Маяковского, поэт Николай Асеев — тот самый, которому Марина Цветаева перед самоубийством доверила судьбу своего сына Георгия, поскольку сомнений в его личной порядочности не было ни у кого, — написал в 1936-1939 гг. (и дописал в 1950 году) поэму, которую назвал «Маяковский начинается». При всей, исторически понятной, «однобокости» этой поэмы, название у неё абсолютно верное. И сегодня — Маяковский продолжается!

Владимир ВИННИКОВ

«Тварь ли я дрожащая или право имею?» «Убивать-то право имеете?»

Из Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

«ВО ВСЁМ его облике, в приятном тембре голоса, в манере говорить, спокойном, взвешенном, тщательно подбирая слова, сквозила уверенность человека, осознающего свою силу и власть, убеждённого в том, что его желания — закон, подлежащий немедленному исполнению, и что он хозяин положения во всём, что касается его жизни и жизни преданных ему людей», — так оценивала Пабло Эскобара его любовница и биограф Виржиния Вальехо Гарсия — дама приятная во всех отношениях. Эта звезда колумбийских массмедиа, телевизионная богиня и светская львица написала увлекательнейшие мемуары, которые названы двусмысленно — «Любить Пабло. Ненавидеть Эскобара». Можно ли пройти мимо персонажа, «сочетающего в себе качества менцетана и бандита»? Его и теперь именуют «колумбийским Робин Гудом», тщательно взвешивая благие поступки и беспримерные злодеяния.

Эскобар вошёл в историю как самый богатый наркобарон, жестокий убийца и террорист. У всякой медали есть и вторая сторона: всё тот же Эскобар — защитник обездоленных, покровитель колумбийского футбола (так, на его средства построено множество спортивных объектов) и — чуткий папачка, уважавший семейную традицию. По сию пору существуют «квартиры Пабло Эскобара» — бесплатное жильё для нищих, где им дозволяется просто жить, не платя

ПОЛЮБИТЬ ЭСКОБАРА

налогов и сборов. Щедрый Пабло одной рукой убивал, другой — дарил миллионы песо. Кроме того, Эскобар был не чужд марксизма и с юности увлеклся этой славной доктриной. Ещё — сентиментальный злодей любил стихи своего тёзки Пабло Неруды, коммуниста и большого друга СССР. Мало того! Один из величайших преступников XX столетия слыл ревностным католиком и поминал Деву Марию так часто, что, казалось, мог бы стать добрым сельским падре. Но! Пабло Эскобар принадлежал к той малой привилегированной группе людей, которые с детства точно знают, кем хотят стать, когда вырастут. Паблоито никогда не мечтал стать пилотом, пожарником, доктором или полицейским. Он мечтал только об одном — стать богатым! — это опять строки из биографических заметок Виржинии Вальехо. Она-то уж изучила его характер, вкусы, привычки. Нет в природе такой мерзости, которую не романтизировало бы человечество. «Всё мгновенно, всё пройдёт! / Что пройдёт, то будет мило», — отметил в своё время Александр Сергеевич Пушкин. Отсюда феномен «Городских пиратов» и «честных лесных разбойников» — ими наполнена вся детско-приключенческая литература. Как говорится, Деточкин «хоть и вор, но бес-

Наркобарон, жестокий убийца, защитник обездоленных и личный враг Рейгана в фильме Леона де АРАНОА

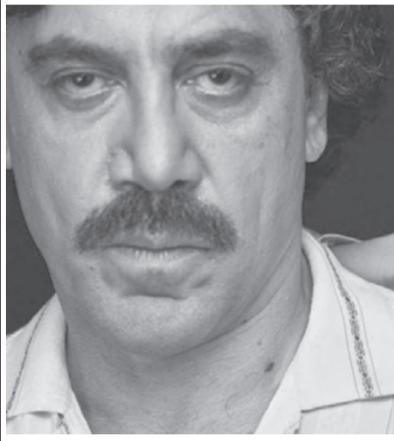
крыстный и честный человек». Свободу Юрию Деточкину? Любить Эскобара? Возможно ли? Байопик испанского режиссёра Фернандо Леона де Араноа «Эскобар» (в мировом прокате — Loving Pablo) основан на тех самых мемуарах госпожи Вальехо. Её блистательно играет Пенелопа Крус и кинокартину стоит посмотреть хотя бы ради этой феерии — актриса значительно поросла с годами (а ей 41!), став похожей то ли на зрелую Софи Лорен, то ли ещё на кого-то из обитой итальянского неореализма. Изображая знаменитую телеведущую и скандально известную любовницу наркомагната, Крус носит в кадре умопомрачительные платья и украшения. Художник по костюмам Лолес Гарсия Галеан и Ванда Моралес решили не мелочиться и вывалили всё, что знали о моде и красоте «золотых восьмидесятых». Тут и резкие, наглые цвета, и яркость макияжа, и нарочито обилие дико «люкса». В те годы было не принято мелочиться — богатство и респектабельность выставлялись напоказ. Слово сочетание «элегантная, сдержанная роскошь» выдоселось оксюморном, ибо роскошь-1980 была по глазам и по нервам. Вот Пенелопа Крус в чём-то фуксиевом, с широким вырезом, в ушах крупные гильсы — отблеск самоварного золота. В следующем кадре — созвучие жёлтого с чёрным; оно, по мнению Булгакова, тревожное, однако тут, в разгар яппи-десятилетия — самое ходовое, дискотечно-карнавальное. Фосфоресцирующие наряды, обтягивающие юбки, широкоплечие приталенные жакеты, в которых больше эротизма, чем офисной строгости. Виржиния Вальехо и по жизни плыла франтихой, дивой. Создатели фильма с невероятным тщанием воссоздали саму атмосферу времени, когда люди «гибли за металл» и создавали неприлично крупные состояния на всевозможных махинациях. В лучах жаркого солнца — главергой в исполнении Хавьера Бардема. Подтянутый и спортивный, Бардем заметно растолстел для важной роли — дон Эскобар никогда не отказывал себе в гастрономических удовольствиях. Авторы использовали все документальные съёмки, каковые только доступны, а потому футболки, пиджаки и галстуки подобраны тон в тон.

Композиция такова, что зритель не успеет понять: кто таков Эскобар — воплощённый ад или же великой души хомо сапиенс? Какая глыба! Какой матерый человекиче! Вот он прокиновенно вещает о проблемах колумбийской нищеты, но тут же — отдаёт чёткие приказания подельникам. Убивает как дичь. Для него нормально — сеять смерть. А через полчаса — планировать построение Счастья. С той же невыра-

зимой лёгкостью. На экране — знакомые лица: Рональд Рейган и его супруга Нэнси. Обращение к народу Соединённых Штатов. Эскобар — личный враг президента, ибо сумел подсадить на дешёвый кокаин пол-Америку. Советская пресса тогда отменяла, что американские подростки из бедноты-нищоты мидл-класса настолько не видят будущего, что буквально целыми компаниями становятся кокаиновыми наркоманами. Писалось и про то, как умело высчитывают потенциальную жертву на дискотеках и в ночных клубах. Мы-то в те годы жили за уютным — пусть и глупым! — занавесом, а самым большим кошмаром и уроном казался пьющий сантехник Афон Боррочо. Наркотики? Что-то из параллельных реальностей. А в Америке 1980-х это сделало национальной трагедией — неслучайно героиня Арнольда Шварценеггера в «Красной жаре» понимающе произносит: «Кокаиному». Да! Своего упитанного сына дон Эскобар учил исключительно хорошим манерам и — трезвому образу жизни. Трогательная сцена. «Если тебе когда-нибудь предложат — скажи «нет!» — увещевает примерный отец, показывая разные виды наркотики — дешёвой и чуть дороже. Этой дрянью он кормит именно таких вот мальчиков. Но это — чужие мальчики. Семья — это свято. Жену, Виржинию, он боготворит и уважает. Обнимает-жалует. Плачет-беспокоится. Кажется, невозможно любить, что не мешает ему изменять направо и налево, да ещё пользоваться услугами проститутки. Широко был Эскобар! То террор учит, а то вдруг — благотворительностью займётся. Всю дорогу боролся с несправедливостью, ввергая мир в ещё более страшную несправедливость. Да, он не тварь дрожащая, но право имеет! Он так думал.

Поскольку автор сценария и режиссёр — испанец Араноа, то в фильме витает дух неприязни к англосаксонской цивилизации. «Кто они нам? Презренные гринго!» — звучит по всякому поводу. Давняя-давняя вражда, начатая ещё в XVI столетии, — за гегемонию и колониальные земли. Духовно-этическое противостояние этих двух систем как бы продолжается «в формате» Северной и Южной Америк. Эскобар, убивая кокаином американских boys, как бы мстит «рыжиком» за многовековую униженность. (Примечательно — артист Хавьер Бардем сыграл в седьмой части «Пиратов Карибского моря» капитана Салазара, тоже испанца и тоже — с наслаждением уничтожающего англоязычных пиратов). Эскобар — как продолжение?

Рядом с ним — золото и смерть. В кинокартине это прекрасно явлено. Красотка Виржиния (её Эскобар задушивал пачками долларов и фан-

Кадр из фильма «Эскобар»

Галина ИВАНКИНА